

ПСИХОЛОГИЯ ИНФЕРНАЛЬНОГО ДВОЙНИКА ГЕРОЯ В РОМАНЕ Т. МАННА «ДОКТОР ФАУСТУС»

Г. Р. Консон,
РГСУ, Москва

В статье анализируется психология инфернального двойника героя, который в романе «Доктор Фаустус», несмотря на усилия выглядит правдивым и положительным, остается лжецом, искажающим объективную сущность явлений. При этом двойник, воспроизведенный в качестве весьма эрудированного психолога-циника с шизофреничным мышлением, трактован не как самостоятельное явление, а как порождение деперсонализированного сознания человека. Подобное раздвоение личности изображено Т. Манном специально для того, чтобы иметь возможность «увидеть» перед собой живущего внутри себя антагониста и изучить его психологию.

Ключевые слова: Томас Манн; «Доктор Фаустус»; Адриан Леверкюн; двойник; характер; психология; философия; культура; искусство; музыка; Ницше.

THE PSYCHOLOGY OF INFERNAL DOPPELGANGER OF THE HERO IN THE NOVEL BY THOMAS MANN THE “DOCTOR FAUSTUS”

G. R. Konson,
RSSU, Moscow

The article analyzes the psychology of infernal Doppelganger of the hero in the novel “Doctor Faustus”. The Doppelganger is a liar distorting the essence of the objective phenomena, despite of his efforts to look truthful and positive. Simultaneously the image of the Doppelganger is shown as a very erudite psychologist and cynic with schizophrenic thinking. And he is a whole treated not as an independent phenomenon, but as a product of depersonalize human consciousness. This split personality is specifically depicted by T. Mann in order to be able to “see” the antagonist living inside the man and study the psychology of such antagonist.

Keywords: Thomas Mann; “The Doctor Faustus”; Adrian Leverkiihn; Doppelganger; character; psychology; philosophy; culture; art; music; Nietzsche.

Введение

В романе «Доктор Фаустус» Томас Манн показал губительные последствия игнорирования морали, причины которого содержались в кризисе зарубежной цивилизации первой половины XX века и в том числе — в кризисе культуры и распаде личности. В Германии этот кризис имел свои патологические черты, выраженные, по наблюдению Манна¹, в особой —

обывательской — психологии, в националистической форме «немецкой отчужденности от мира, немецкой далекости от общемировых вопросов, глубокомысленной отрешенности от всемирного бытия» [9: с. 306] — всего того, что сформировалось у писателя в его концепцию немецкого бюргерства, наиболее убедительно выраженную в исследовании творчества И. В. Гёте [8: с. 38], и явилось стержнем проблемы немецкого духа, которую Манн переживал как свою собственную (см.: [12: с. 35]).

В подобной психологии Манн всегда ощущал нечто загадочно-жутковатое и потаенно-демоническое [9: с. 306], что влекло его с большой силой. Такая психология, оснащенная, по открытию писателя, «полным фантастики мрачным юмором», соединялась у него с дерзкой критикой. Со своим школьным другом они осуждали всё на свете, в особенности школу и косность царившей в ней бюрократии [12: с. 8]. Такая позиция Манна-ученика, по всей очевидности,

¹ Напомним, что и сам Т. Манн был выходцем из семьи, которая впитала в себя противоречивые черты немецкой психологии, — вольного города Любека, где он родился, и по отцу был праправнуком любекских бюргеров, а по линии матери, обладавшей выдающимися музыкальными способностями, унаследовал веселый нрав, «восприимчивость ко всему художественно ощущаемому и, в самом широком смысле этого слова, “к вымыслу влечение”» [12: с. 7].

предвосхитила нигилизм двойника из романа «Доктор Фаустус», критиковавшего устоявшиеся ценности.

Но изначально, по признанию Манна, ему было важно показать тяготение немецкого мышления к трансцендентному, дать возможность ощутить «таинственную связь немецкого национального характера с демонизмом», связь, которую он сам «познал в результате собственного внутреннего опыта, но о которой нелегко рассказать» [14: с. 102–173].

Поэтому гипотезой статьи является мысль о том, что психологический двойник героя, представляющийся в лице inferнальной силы, есть он сам, в котором нашли отражение автобиографические черты Манна, вследствие чего освободиться от подобного двойника невозможно.

В связи с этим противоречием попытаемся рассмотреть сущность такого деперсонифицированного образа, весьма эрудированного и воспитанного в традициях философии Ф. Ницше, чья трагическая личность привлекала внимание Манна. По его воспоминаниям, духовное и стилистическое влияние Ницше сказалось уже в ранних его произведениях. По признанию Манна, «соприкосновение с ним в значительной степени определило мой находившийся тогда в процессе становления духовный склад; но изменить сущность нашу, сделать из нас нечто иное, нежели мы суть — этого никакая сила, движущая развитием, не может; вообще говоря, всякая возможность развития предполагает наличие некоего “я”, обладающего интуитивной волей и способностью личного выбора, переработки в нечто сугубо свое» [12: с. 17].

Следовательно, несмотря на большое влияние Ницше на молодого писателя, Манн оставался верен своим собственным убеждениям.

Внешний облик двойника и его автопортрет

Внешние черты привидевшегося Адриану фантома важны потому, что они не только ассоциируются с образом самого героя, но и выражают его внутреннюю сущность. Психологический двойник Леверкюна хорошо образован

(сам Т. Манн, вспоминая о себе, говорил об успехах в школе, о том, что «блистал философскими, подрывавшими устои передовицами» [12: с. 9]). Он большой знаток музыки, пересыпает речь французскими, латинскими выражениями. Обходителен и призывает Адриана к вежливости, ироничен по отношению к врачам.

Фантом — знаток истории, о чем свидетельствует его упоминание об эпизоде Лютера, бросившего чернильницу в демона, — реминисценция из откровений inferнального двойника Дмитрия Карамазова в романе Достоевского «Братья Карамазовы». Рекомендует себя как деятельного. Якобы верит в добро: «а если где случался обман, то ведь и в поговорку вошло, что обманутым всегда оказывался я, верящий в справедливость и честность...» (с. 295)².

Как будто диалектично мыслит: «Разве тебя не учили в университете, что Бог может обратить зло в добро и что тут нельзя ставить ему палки в колеса?» (с. 307). Однако такой практики за Богом не водится — это удел представителей ада. Поэтому диалектику двойник Леверкюна при случае подвергает сомнению: «Мысль, будто общее гармонически содержится в частном, обанкротилась» (с. 315).

Подобно видению Ивана Карамазова, не испытывая чувства ответственности за свои слова: «Ведь я, пожалуй, единственный, кем она (религия. — Г. К.) еще держится!» (В этом пассаже угадывается богоборческий мотив Ницше, который, по наблюдению Ф. Юнгера, был уверен, что старый Бог — Бог морали — умер [29: с. 153].) «За кем ты признаешь богословскую экзистенцию, если не за мной? И кто согласится на богословскую экзистенцию без меня?» (с. 317–318).

В такой насмешке леверкюновского двойника проступает философия Ницше, разувверившегося в христианской морали. Его позицию необычайно точно охарактеризовал Н. Бердяев: «Ницше признал христианскую мораль рабьей, плебейской, моралью слабости и возненавидел ее. Он противопоставил ей мораль господскую, аристократически-благородную, мораль силы» [1: с. 228].

² Здесь и далее ссылки даются в тексте на изд.: [10].

Однако христианская мораль как раз и является религией сильных духом: «христианская этика — этика духовной победы, а не поражения. Побеждающие “мир”, жертвующие благами этого мира — самые сильные, самые подлинные победители. И по сравнению с силой и победой духа Христова всякая сила и победа в этом мире ничтожна и призрачна» [Там же: с. 228].

Психологический двойник Адриана исполнен высокого о себе мнения, которое вуалирует элегантным укором: «Ценил бы меня хоть как знатока. Уж черт-то кое-что смыслит в музыке» (с. 315).

Представляется специалистом в религии: «То, что религия — моя специальность, так же несомненно, как и то, что она не является специальностью буржуазной культуры» (с. 318). Мнимая тяга «другого “я”» Адриана к изучению религии, по всей видимости, объясняется его самомнением, позволяющим быть уверенным в своем возвышении над человечеством: «Посредственность вообще не живет теологической жизнью» (с. 322).

Чувство собственного могущества и великолепия деперсонализированное Alter ego Леверкюна отождествляет с божественным началом: «в конце концов вырастет в триумфальнейшее благополучие, в избыток восторженного здоровья, в божественное бытие» (с. 317). Считает себя честным и оклеветанным: «Кто называет меня господином *Dicis et non facis*³, тот дает маху. Хоть тоже как бы щекочет под подбородком, а все-таки клевета» (с. 294–295). Такая убежденность inferнального адриановского «я» в несправедливом к нему отношении вызывает ассоциации с нищенским видением момента честности в обмане [16: с. 59].

Двойник возражает против утвердившейся за ним характеристики критика всего происходящего. Он правду уравнивает с ложью: «разве правда — это не переживание, не чувство? То, что тебя возвышает, что увеличивает твоё чувство силы, могущества, власти (здесь виден характерный для Ницше мотив сверхчеловека: “Человек есть нечто,

что должно превзойти” [17: с. 299]) — это правда, будь она хоть трижды ложью с добродетельной точки зрения» (с. 316). В действительности же преклоняется перед ложью, а правду считает бесполезной: «Умножающая силы неправда без труда потягается с любой бесполезно добродетельной правдой» (с. 316). Это «открытие» второго «я» в своей изощренности потягается с нищенским воззрением на ложь, считающим, что говорить правду удобнее, чем лгать, ведь «ложь требует изобретения, памяти и умения обманывать», т. е. определенного мастерства [19: с. 60].

Двойник видит обман в искусстве, утверждает его иллюзорный характер, в частности, музыки: «неустанным примирением своих специфических домогательств с господством условностей она тоже посильно приобщалась к высокому обману» (с. 315). Правдивость смешивает с мещанством и нечистоплотностью: «Если кто-то, скорее из правдолюбия, чем из эгоизма, пытается опровергнуть превратнейшие о себе толки, значит он жулик» (с. 153). Презирает сомнения, творческие и нравственные переживания. Из перечисленных качеств inferнального собеседника следует, что, несмотря на его усилия выглядеть правдивым и положительным, коварная натура проступает в каждом его высказывании, благодаря чему объективная сущность явлений заменяется ее уродливым подобием.

Черты характера психологического двойника

а) Музыкально-эстетические воззрения

Неискренность и непоследовательность второго «я» у Леверкюна проступает и в его художественно-эстетической платформе. Музыку он относит к области обывательского искусства и отказывает ей в живописно-изобразительных возможностях: «Критике подлежит иллюзорный характер обывательского искусства, к которому причастна и музыка, хотя она и не живописует» (с. 315). Однако подобная характеристика с классической музыкой, искусством и шире — с культурой никак не согласуется.

Вместе с тем Alter ego Адриана высказывается против передачи в музыке иллюзий,

³ Говоришь, но не исполняешь своих слов (пер. С. Апта и Н. Ман).

стоит за воплощение в искусстве искренних страданий: «Допустимо только нефиктивное, неигровое, непритворное, непросветленное выражение страдания в его реальный момент. Его бессилие и горечь так возросли, что никакая иллюзорная игра тут уже не дозволена» (с. 314). В таком понимании музыки просматривается пессимистическая позиция Т. Адорно. Однако возможности музыки не ограничиваются воплощением только трагического, они несоизмеримо шире и масштабнее, потому что музыкальному выражению подвластны самые разные слои художественного содержания.

В отношении же музыкальной композиции второе творческое «я» Адриана считает нужным отказаться от традиционных форм, поскольку они якобы ограничивают и искажают художественную выразительность, а также передают только «иллюзию чувств». Особо наивным выглядит его отрицание понятия музыкального опуса, под которым он разумеет форму⁴ (с. 314).

Взамен отказа от старых форм «внутренний человек» Адриана не предлагает ничего нового. И в этом — его разрушительная сила.

Кроме того, если психологический двойник Леверкюна поддерживает трагическое искусство, то именно трагическое содержание в самой большой степени, по сравнению с другой сюжетикой, требовало новых и неожиданных музыкальных форм. Т. Ливанова писала, что поиски трагизма всегда вели к новаторству, а трагические образы «оказывались самыми смелыми, требовали новых средств выражения, побуждали к исканиям, заставляли нарушать правила» [6: с. 267].

В сущности, академические музыкальные формы представляют собой завоевания культуры, которые выступают в качестве современных достижений, а двойник, отказываясь от них, призывает к примитивному искусству. Манн же осмысливает искусство как анализ жизни и «в высокой степени критически направленное созидание...» [12: с. 37].

⁴ Опус (иначе — сочинение или несколько сочинений, объединенных одним номером) — обозначение в творческом каталоге композитора порядкового номера музыкального произведения. Благодаря опусу выявляется время создания сочинения и сопутствующих ему произведений.

Таким образом, в своем отношении к музыке леверкюновский двойник выступает как критик, который не может дать ответа на то, какими должны быть пути ее развития.

б) Двойник Адриана — аморалист и искуситель

Второе «я» Леверкюна проповедует имморализм: «Живи себе по-скотски, море по колено, этаким великим чернокнижником, и удивляй мир разнообразнейшей чертовщиной; забывай понемногу о всякой там скованности и сигай во хмелю выше головы, не изменяя при этом себе — зачем же? — нет, оставаясь самим собой, но только достигнув своей натуральной высоты с помощью упомянутой полбутылки» (с. 299–300). Источник такого имморализма видится в этике Ницше, который в опьянении усматривал эстетическое явление⁵.

Для аргументации своих слов двойник ссылается на Бисмарка: «Кажется, Бисмарк говорил, что, дескать, немцу нужно полбутылки шампанского, чтобы подняться на свою натуральную высоту... золотые слова» (с. 298). Такого рода максима коварного адриановского «я» укладывается в ницшеанское понятие дионисизма, в котором человек испытывает восторг опьянения и выхода из серой повседневности. Выход этот сопровождается ещё и потерей индивидуальности [7: с. 963].

В подобном призыве к жизни во хмелю проявляется два характерных принципа — неприятие рационализма и действие ради действия без последующего осмысления. Внутренний человек Адриана расхваливает страсть к самолюбанию, разжигает чувство богоизбранности и сознание сверхчеловека: «ужас самопреклонения, да, да, сладостного трепета перед самим собой, когда сам себе кажешься богоизбранным инструментом, божественным чудищем» (с. 300).

⁵ По наблюдению А. Данто, Ницше в соответствии со своей концепцией художественной деятельности говорил «о сновидении и опьянении как состояниях вполне артистических или, по крайней мере, соответствующих определенным требованиям, которые необходимы для искусства» [4: с. 59]. Подобное состояние к тому же освобождало этику Ницше от понятия ответственности [16: с. 776].

Он гарантирует славу, жизненность созданных Леверкюном сочинений и забвение угрызений совести. Однако посмертную славу художнику гарантировать не может никто. Сколько лет она продлится — проверить ее Адриан не в силах. Поэтому внутреннее «я» изначально ведет с ним нечестную игру. Оно, как пишет А. Фёдоров, «предлагает фальшивый товар» [23: с. 316].

Двойник искушает Адриана жизненным триумфом: «предстоящее тебе экстравагантное бытие — это великое баловство, после которого не так-то просто ни с того ни с сего возвратиться к посредственно спасительному продолжению экстравагантного бытия» (с. 321).

Двойник якобы призывает к свободе. Однако при случае выказывает к ней недоверие: «Связывающим, априорным условиям, которые гарантировали свободу игры, — крышка» (с. 315).

Внутренний человек Адриана сулит ему лидерство в новой культуре, которая, по сути, станет антикультурой: «Ты будешь знаменем, ты будешь задавать тон грядущему, твоим именем будут клясться юнцы, которым благодаря твоему безумию не придется уже самим быть безумцами». (А. Фёдоров считает, что при всех восторженных высказываниях о таланте Леверкюна, в том числе учителя Адриана Кречмара и друга Леверкюна — Серенуса Цейтблома, Манн выявляет не только его ограниченность, но и «массовое смещение художественных критериев, показывает существование и ложных кумиров, и ложной эстетики, создающей объективную видимость успеха» [23: с. 303].)

По мнению inferнального двойника Леверкюна, его болезнь «даст им вкусить здоровье, и в них ты будешь здоров» (с. 317)⁶. (Такое лидерство лежит в основе психологии Ницше, согласно которому «всё способствующее тому, что он (народ. — Г. К.) господствует, побеждает

и блещит на страх и зависть своему соседу, — всё это означает для него высоту, начало, мерило и смысл всех вещей» [17: с. 338].)

Двойник манифестирует презрение к морали: «жизнь неразборчива, и на мораль ей начхать» (с. 316). В основе подобного утверждения лежит ницшеанское отрицание морали, которая по отношению к жизни носит враждебный ей характер [15: с. 359]. Исходя из этого, Манн вынужден признать, что «ницшевское восхищение красотой безнравственности, его апология войны и зла и все его раздраженные выпады против морали, гуманности, сострадания, христианства.

Внутренний человек Леверкюна «перелицовывает» заповедь «возлюби ближнего как самого себя», утверждая обратное: «не возлюби» (с. 325). Он упраздняет понятие совести. Взамен дает физиологическое объяснение антиморали: «Никогда не слышал я большей глупости, чем утверждение, будто от больных исходит только больное» (с. 316). Такой тезис о возникновении нового, здорового из больного идет от Ницше, пораженного в последний год своей жизни прогрессивным параличом мозга.

В целом искушения Леверкюна строятся на пропаганде наиболее примитивных моральных ценностей в русле философии Ницше, которые в действительности являются антиценностями, а сам двойник оказывается виртуальным типом преступника, выступающим в роли весьма эрудированного философа-циника. В связи с этим власть inferнальных сил является сомнительной (но не для Леверкюна!), в то время как человеческие чудеса (любовь, нравственность, ум, искусство, творчество, душевность), к которым внутренний человек Адриана выказывает небрежение, остаются непревзойденными ценностями⁷.

В такой моральной установке двойника не мог не сказаться бунтующий нрав самого Манна, проявившийся еще во время учебы в школе. По его собственному признанию, будущий писатель «ненавидел школу и до самого конца учения не удовлетворял тем требованиям, которые она ко мне предъявляла.

⁶ Эта мысль, по всей видимости, высказана не без влияния А. Шёнберга, которого Т. Манн хорошо знал и имел представление о созданной им додекафонной системе: «Меня называли “совратителем молодежи”, и когда однажды критик сравнил меня с Сократом, я не был уверен, хочет ли он оказать мне честь или же предложить, чтобы меня осудили, как Сократа, и дали чашу с ядом» [26: с. 401–402].

⁷ А. Фёдоров пишет, что «дьявол не всемогущ, он не может по-настоящему помочь человеку» [23: с. 310].

Я презирал школьную среду, критиковал манеры тех, кто властвовал над нами в стенах школы, и рано стал в своего рода литературную оппозицию ее духу, ее дисциплине, принятым в ней методам дрессировки» [12: с. 8].

в) Инфернальная правда двойника

В рассуждениях адриановского второго «я» о «жизни» в аду, по всей видимости, отразились впечатления молодого Манна от картины «Страшный суд», которая потрясла писателя во время пребывания в Италии как апофеоз его собственного «пессимистически-морализирующего и антигедонистического умонастроения» [12: с. 12].

Инфернальный двойник Леверкюна отрицает разум как высшее начало человека. А когда отвергается разум, то открывается лазейка для лжи и ее оправдания.

Двойник возвеличивает ад, переполняет его с раем, говоря, как трудно в него попасть: «Не так-то легко угодить в ад; там давно не хватило бы места, если бы пускали туда всякого встречного и поперечного» (с. 322). По его мнению, попадания в ад достойны только такие продажные личности, как Адриан: «как раз такие умы, как ты, и составляют население ада... такой теологический фрукт, такой пройдоха, как ты, спекулирующий на спекуляции... это же сущая находка для черта» (с. 322–323).

Он дает нравственную оценку подземного обиталища: «“здесь прекращается всё” — всякое милосердие, всякая жалость, всякая снисходительность, всякое подобие респекта к недоверчивому заклинанию: “Вы не можете, не можете так поступить с душой”» (с. 319)⁸ и смакует атмосферу ужаса в преисподней: «в звуконепроницаемой глубине будет весьма шумно, пожалуй, даже чрезмерно

шумно от урчания и воркотанья, от воплей, вздохов, рева, клекота, визга, криков, брюзжания, жалоб, упоения пытками, так что не различишь и собственного голоса, ибо он потонет в общем гаме, в плотном, густом, радостном вое ада, в гнусных трелях, исторгнутых вечным произволом безответственного и невероятного» (с. 320). Вся эта атмосфера, естественно, является авторской метафорой, поскольку в обществе создан свой стереотип представления жизни в аду, который как субстанция самостоятельно не функционирует. Е. Трубецкой считает, что ад существует через совестный (Божий) суд над совершившим преступление человеком [22: с. 346–347]. Напомним, что сила ада, по словам П. Гуревича, переживается в тревоге собственной вины (см.: [3: с. 204]). В связи с этим нам представляется, что ад — это состояние души.

Второе «я» Леверкюна культивирует сластолюбие и объединяет его с глумлением над страданиями тех, кто находится в аду: «Такое связано с элементом насмешки и великого надругательства, содержащимся в пытке; это адское блаженство равнозначно архижалкому глумлению над безмерным страданием и включает в свои атрибуты мерзкие жесты и жеребчий смех» (с. 320). Думается, что источником данного гимна сладострастия представляется этика Ницше, в которой такому «благородному» явлению дается одиозная характеристика [17: с. 443].

Двойник выделяет три составляющие ада — мучу, насмешку и позор: ад в его понимании — это «необычайное соединение совершенно непереносимого, однако вечно-го страдания и срама» (с. 320). В этом смаковании непереносимых страданий видится источник ницшеанской философии, в которой, по наблюдению Л. Шестова, впервые были провозглашены ужасающие слова: «апофеоз жестокости» [25: с. 521].

Психологический двойник Адриана понимает, что в аду происходит разрушение людских характеров, лишение их духовного стержня. Данное наблюдение лежит в сфере шопенгауэровского видения мира, уверенного, что «мир лежит во зле — дикие пожирают друг друга, а культурные друг друга обманывают, и это называется порядком вещей» [27: с. 371].

⁸ Объясняя подобную победу зла над добром, Е. де Роберти пишет, что «в борьбе между силами одного и того же, например, сверхорганического или духовного порядка, зло может — и даже легко — осилить добро: ненависть, например, может одержать победу над жалостью и состраданием. Для этого нужно только, чтобы злые чувства были интенсивнее чувств добрых, или чтоб они раньше последних достигли периода зрелости и полного расцвета» [21: с. 667].

Инфернальное видение Леверкюна говорит ему и о человеческих чувствах, останавливаясь, правда, только на ревности и отвергая любовь: «Думаешь, ревность приживается только на вершинах, а в пропастях — нет? Ты, деликатное создание Господне, обещано и помолвлено (имеется в виду с представителями ада. — Г. К.). Ты не смеешь любить» (с. 324).

Оно раскрывает объективную причину отказа от любви: «Мои условия ясны и справедливы, они определены правомерным упорством ада. Любовь тебе запрещена, поскольку она согревает» (с. 325).

И субъективную причину: «Такая общая замороженность твоей жизни и твоего общения с людьми, с человеком — в природе вещей, вернее, в твоей природе, мы не требуем от тебя ровным счетом ничего нового... холод души твоей должен быть столь велик, что не даст тебе согреться и на костре вдохновения» (с. 325). (Корни такого предпочтения душевного холода уходят в философию Шопенгауэра, который полагал, что в основе человеческого характера должно быть хладнокровие [27: с. 382].

В таком видении холода двойник переинтерпретирует ницшеанское понимание бережливости, «экономии доброты», поскольку для людей она является целебным средством [19: с. 56]. Здесь же холод души упоминается в значении черствости и жестокости. Последней Ницше поет нескончаемый дифирамб. По его мнению, она составляет мучительную сладость трагедии в искусстве и жизни. Под жестокость он призывает изменить «дурацкую старую психологию», в которой жестокость виделась только в чужих страданиях. В действительности же большое наслаждение он усматривает и в своем собственном страдании, «в причинении страдания самому себе» [18: с. 684].

В своем упоении могуществом ада двойник, рисуя его весьма реалистичную картину, отказывается от радостей жизни, предлагая тем самым Адриану искаженное представление о мире [23: с. 319]. Его идейная позиция, характеризующаяся презрением к слабым, опирается на социальную фрустрацию, опирающуюся на один из центральных тезисов философии А. Шопенгауэра, провозгласившего целью нашего бытия уразумение «того, что лучше бы нас совсем не было» [28: с. 170].

г) Убеденность леверкюновского двойника в поддержке таланта инфернальными силами и преступным миром

Двойник считает, что вдохновение идет не от Бога (потому что он якобы слишком рассудочен), а от инфернальных сил — неисчерпаемого источника творческого энтузиазма. Поэтому общепризнанная убежденность, что «талант есть божий дар», «талант от Бога», переосмысливается прямо противоположно: «Действительно счастливое, неистовое, несомненное вдохновение... оно не от Бога, слишком уж много оперирующего разумом, оно от черта, истинного владыки энтузиазма» (с. 311).

Внутренний человек Адриана уверен, что талант обеспечен силами ада: «Неужели ты веришь в такую чепуху, в *ingenium*, ничего общего не имеющий с адом? *Non datur*. Художник — брат преступника и сумасшедшего» (с. 308). В основе этой сомнительной истины лежит суждение Ницше, убежденного в том, что ученого по дебрям пустыни и растительности ведет демон [19: с. 178]. Вместе с тем Ницше уверен и в обратном — в естественном рождении или воспитании таланта, сопровождаемом упорством, выдержкой и энергией, в силу которой он действительно им и становится [Там же: с. 177].

Согласно мнению деперсонализированного «я» Леверкюна, ад только выделяет талант и снимает с него чувство ответственности, т. е. в нашем понимании «творческой организацией» он не является. В случае с Адрианом дается гарантия, что представители ада «только остроумно усилят и раздуют все, чем ты еси» (с. 325), ведь современные художники существуют только с помощью адских сил.

Музыку как вид искусства двойник ставит в ряд с богословием, грехом и собой, уравнивая ее с негативными и потусторонними явлениями, а богословие — с демонистикой.

Таким образом, несмотря на то, что двойник в мире зла, казалось бы, представляет собой лишь песчинку, он страшен далеко не одним преступлением и не самим собой, а всей преступной карательной системой, к которой он принадлежит. Переосмысливая нравственные ценности, двойник пытается привить Леверкюну общие законы бытия с извращенных

позиций⁹. Добро в его понимании оборачивается для других злом.

д) Двойник — нигилист

Скрытое «я» Адриана призывает его отречься от культуры, ратуя за возвращение к варварству: «Ты не только освободишься от разъедающих сомнений, ты прорвешь тень века с его “культом культуры” и дерзнешь приобщиться к варварству» (с. 317). Подобный возврат уже был отмечен Ницше в сформулированном им феномене «обесчувствления высшего искусства» [19: с. 144]. Думается, в основе такого возвращения к прошлому лежит позитивная мысль Шопенгауэра о человеческом опыте [28: с. 329]. Однако Манн писал, что Ницше своими мечтами о варварстве хотел омолодить современную ему культуру, но по нелепому недоразумению немецкое бюргерство спутало с ними фашизм [15: с. 381].

Усугубленное варварство (в противовес гуманизму) фантом считает благом. Мысль эта лежит в русле весьма реакционных высказываний Ницше о движении общества не вперед, а назад. В. Хвостов писал об этом так: «отрицая современную демократию как величайшее зло, Ницше, в сущности, советует нам вернуться к античному рабству» [24: с. 852].

К культуре двойник относится как к отжившему феномену: «С тех пор как культура отбросила от себя культ и сделала культ из себя самой, она и есть отброс, и за какие-нибудь пятьсот лет весь мир так пресытился ею и так от неё устал, словно, *salva venia*, съел целый котел этого варева...» (с. 318). Подобная тирада противоречит ценностным основаниям, выработанным человечеством. Н. Бердяев справедливо считал, что «ценности культуры священны, и всякий нигилизм по отношению к ним безбожен» [1: с. 217].

С резонерским сарказмом двойник воспринимает новаторство в музыке и наблюдает кризис в искусстве, имея в виду честных и серьезных музыкантов: «Болезнь, однако, повальная, и люди добросовестные одинаково видят ее симптомы и у себя, и у эпигонов. Не рискует ли творчество иссякнуть?» (с. 311).

Второе «я» Леверкюна низкого мнения о музыкальном творчестве, которое, по его убеждению, готово иссякнуть, и поэтому создается через силу: «Всё примечательное, что еще попадает на нотную бумагу, свидетельствует о тягостной вымученности» (с. 311). Такого же мнения он и о способностях художника, в новаторство которого не верит¹⁰.

Двойник критикует фольклорное и неоклассическое направления в музыке, осуждая их представителей за то, что они неэмоциональны и устарели, что «сковывают свой музыкальный порыв и более или менее благопристойно рядятся в стилистические ризы доиндивидуалистических времен» (с. 311).

Он негативно относится к поэзии. Поэт (в понимании Ницше это слово уже само по себе ругательное) выступает как «комедиант! Фальшивомонетчик! Закоренелый лжец!», «закоренелый фигляр» и «скоморох» [17: с. 496]. В таком осмыслении роли поэта видна связь Ницше с Вагнером, который тоже нетерпимо относился к поэтам (см.: [14: с. 117–118]).

Двойник отрицает психологию: «Психология — Боже милосердный, неужели ты с ней еще якшаешься?! Это же скверный, обывательский девятнадцатый век! Эпоха ею по горло сыта, психология скоро станет раздражать ее, как красная тряпка быка, и кто осмелится докучать психологией, тому просто-напросто дадут по шее. Мы, милый мой, вступаем в эру, которая не потерпит психологических придиорок...» (с. 324–325).

Духовность и эмоции он подменяет алкогольным опьянением: «Хмель полностью сохраняет тебе духовные силы, более того, иногда он дает им толчок, оборачивающийся лучезарным экстазом, — так что же в конце концов должно угаснуть, если не разлюбезная душа и не драгоценные чувства?» (с. 325). Двойник считает незачем представляться себе богом во хмелю: «В пьяном самоупоеании доступны блаженства такого почти

⁹ На этот факт обращал внимание А. Фёдоров (см.: [23: с. 313]).

¹⁰ А. Фёдоров справедливо пишет о Леверкюне, что он «использует не собственные, оригинальные, а ранее созданные средства и приёмы. Тогда как Верди, например, создавал не только новые оперы, но и новые “средства и условности”» [23: с. 306]. Манн, однако, характеризует дар Адриана как противоречивый (см.: [11: с. 399]).

невыносимого букета, что ты, пожалуй, вправе вообразить, будто подобного букетика не было на земле уже тысячи лет, и, чего доброго, возмнить себя богом в озорную минуту» (с. 300).

Выводы

В целом мировоззрение второго леверкюновского «я» отличается имморалистским характером. Поэтому фантом, появившись вначале как оклеветанная жертва, в массиве своих преступлений, куда входят профанация и отрицание вечных духовных ценностей, проповедование антиморали, опора на силы преступного мира, стремление к авторитарной власти,

представляет собой модель извращенной реальности, несущей в себе глобальную угрозу для человечества (об этом см.: [5]).

Мировоззрение Манна внешне как будто бы совпадает с ницшеанским. Но, несмотря на то, что герой романа и его психологический двойник имеют много общего с характером самого писателя, — повышенный интерес к трансцендентному и связанный с ним черный юмор, пессимизм, сопряженный с крушением науки, культуры, искусства и религии, отрицание прогресса в человеческой цивилизации, ниспровержение (в молодые годы) авторитетов и устоявшихся ценностей, — все эти позиции у Манна служат острой провокацией моральной позиции у читателей.

Литература

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2002. 688 с. (Серия «Вершины человеческой мысли».)
2. Бреннер А. фон. Психология привлекательности фашизма // Бреннер А. фон. Вопросы философии и психологии. URL: http://www.von-brenner.com/psihologija_fashizma.htm
3. Гуревич П. С. Психология чрезвычайных ситуаций: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 495 с. (Серия «Актуальная психология».)
4. Данто А. Ницше как философ / пер. с англ. А. Лавровой. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2001. 280 с.
5. Консон Г. К. Инфернальные силы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» как средство психологической защиты героя // Системная психология и социология. 2015. № 14. С. 71–79.
6. Ливанова Т. Н. Западноевропейская музыка XVII–XVIII веков в ряду искусств: Исследование. М.: Музыка, 1977. 528 с.
7. Лосев А. Ф. Фр. Ницше // Ницше: pro et contra: антология / отв. ред. Д. К. Бурлака; сост., вступ. ст., прим. и библиогр. Ю. В. Синеокой. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2001. С. 960–970. (Серия «Русский путь».)
8. Манн Т. Гёте как представитель бюргерской эпохи // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. / пер. Л. Виндт; под ред. В. Смирнова; прим. В. Голанта. Т. 10: Статьи: 1929–1955. М.: Художественная литература, 1961. С. 37–72.
9. Манн Т. Германия и немцы // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. / пер. Е. Эткинда; под ред. В. Смирнова; прим. В. Голанта. Т. 10: Статьи: 1929–1955. М.: Художественная литература, 1961. С. 303–326.
10. Манн Т. Доктор Фаустус: Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом: роман // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. / пер. с нем. С. Апта и Н. Ман; под ред. Н. Н. Вильмонта и Б. Л. Сучкова; прим. А. Габричевского. Т. 5. М.: Художественная литература, 1960. 696 с.
11. Манн Т. История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа // Манн Т. Собрание сочинений: в 8 т. / пер. с нем.; Коммент. А. Полбенниковой; сост. С. Апт. Т. 7: Новеллы. Песнь о ребёнке. Статьи. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. С. 276–417.
12. Манн Т. О себе: Статьи // Манн Т. Собр. соч.: в 8 т. / пер. с нем. В. Станевич; коммент. А. Полбенниковой; сост. С. Апт. Т. 1. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. С. 7–49.
13. Манн Т. Переписка с Бонном // Манн Т. Собр. соч.: в 8 т. / пер. с нем. В. Станевич; коммент. А. Полбенниковой; сост. С. Апт. Т. 1. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. С. 50–57.
14. Манн Т. Страдания и величие Рихарда Вагнера // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. / пер. А. Кулишер; под ред. В. Смирнова; прим. В. Голанта. Т. 10: Статьи: 1929–1955. М.: Художественная литература, 1961. С. 102–173.

15. **Манн Т.** Философия Ницше в свете нашего опыта // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. / пер. с нем. П. Глазовой; под ред. В. Смирнова; прим. В. Голанта. Т. 10: Статьи: 1929–1955. М.: Художественная литература, 1961. С. 346–391.
16. **Ницше Ф.** Сумерки идолов, или как философствуют молотом // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения / пер. Н. Полилова. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2002. С. 749–845. (Серия «Антология мысли».)
17. **Ницше Ф.** Так говорил Заратустра // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения / пер. Ю. М. Антоновского. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2002. С. 295–556. (Серия «Антология мысли».)
18. **Ницше Ф.** По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения / пер. Н. Полилова. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2002. С. 557–748. (Серия «Антология мысли».)
19. **Ницше Ф.** Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения / пер. С. Л. Франка. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2002. С. 11–294. (Серия «Антология мысли».)
20. **Остатюк Е. Н.** Когнитивные модели метафор «болезнь» и «смерть» как отражение авторского мировидения (на материале романов Т. Манна): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2009. 185 с.
21. **Роберти Е. В.** Ницше: его философия, его социология // Ницше: pro et contra: Антология / отв. ред. Д. К. Бурлака; сост., вступ. ст., прим. и библиогр. Ю. В. Синеокой. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2001. С. 636–671. (Серия «Русский путь».)
22. **Трубецкой Е. Н.** Смысл жизни // Смысл жизни: Антология / сост., общ. ред., предисл. и прим. Н. К. Гаврюшина. М.: Прогресс-Культура, 1994. С. 243–488. (Серия «Сокровищница религиозно-философской мысли». Вып. II.)
23. **Фёдоров А. А.** Томас Манн. Время шедевров. Томас Манн в период творческого расцвета. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1981. 336 с.
24. **Хвостов В. М.** Этика Ницше // Ницше: pro et contra: Антология / отв. ред. Д. К. Бурлака; сост., вступ. ст., прим. и библиогр. Ю. В. Синеокой. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2001. С. 805–877. (Серия «Русский путь».)
25. **Шестов Л. И.** Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Ницше: pro et contra: Антология / отв. ред. Д. К. Бурлака; сост., вступ. ст., прим. и библиогр. Ю. В. Синеокой. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2001. С. 438–585. (Серия «Русский путь».)
26. **Шёнберг А.** Как становятся одинокими (1937) // Шёнберг А. Стиль и мысль: Статьи и материалы / сост., коммент. Н. О. Власовой и О. В. Лосевой; пер. Н. О. Власовой. М.: Композитор, 2006. С. 390–418.
27. **Шопенгауэр А.** Афоризмы житейской мудрости // Шопенгауэр А. Избранные произведения / сост., автор вступ. ст. и прим. И. С. Нарский. Ростов н/Д: Феникс, 1997. С. 213–419.
28. **Шопенгауэр А.** Идеи этики // Шопенгауэр А. Избранные произведения / сост., автор вступ. ст. и прим. И. С. Нарский. Ростов н/Д: Феникс, 1997. С. 149–212.
29. **Юнгер Ф. Г.** Антихрист // Ницше / пер. с нем. А. В. Михайловского. М.: Праксис, 2001. С. 148–170. (Серия «Идеологии».)

References

1. **Berdyayev N.A.** The Meaning of Creativity. Moscow: AST; Kharkov: Folio, 2002. 688 p. ("Top of Human Thought" series.)
2. **Brenner A. von.** Psychology of Fascism's Charm // Brenner A. von. Problems of Philosophy and Psychology. URL: http://www.von-brenner.com/psihologija_fashizma.htm.
3. **Gurevich P.S.** Psychology of Emergencies: Tutorial for students. Moscow: UNITY-DANA, 2007. 495 c. ("Current psychology" series.)
4. **Danto A.** Nietzsche as a Philosopher / translation from English by A. Lavrova. Moscow: Idea-Press; Intellectual Book House, 2001. 280 p.
5. **Konson G.R.** Infernal Forces in the F.M. Dostoevsky's Novel "The Karamazov Brothers" as Means of Psychological Defense of Character // Systemic Psychology and Sociology. 2015. № 14. P. 71–79.
6. **Livanova T.N.** Western European Music of XVII–XVIII Centuries among the Arts: a Study. Moscow: Music, 1977. 528 p.
7. **Losev A.F.** Fr. Nietzsche // Nietzsche: Pro et Contra: Anthology. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2001. P. 960–970. ("Russian way" series.)

8. **Mann T.** Goethe as the Representative of the Burgher Era // Mann T. Collected works: in 10 vols. Vol. 10: Articles: 1929–1955. Moscow: Literature, 1961. P. 37–72.
9. **Mann T.** Germany and Germans // Mann T. Collected works: in 10 vols. Vol. 10: Article: 1929–1955. Moscow: Literature, 1961. P. 303–326.
10. **Mann T.** Doctor Faustus: The Life of the German Composer Adrian Leverkühn Told by his Friend: a Novel // Mann T. Collected works: in 10 vols. Vol. 5. Moscow: Literature, 1960. 696 p.
11. **Mann T.** The History of “Doktor Faustus”. The Novel of a One Novel // Mann T. Collected Works: in 8 vols. Vol. 7: Novels. Song of the Child. Articles. Moscow: TERRA – Book Club, 2009. P. 276–417.
12. **Mann T.** About Myself: Articles // Mann T. Collected Works: in 8 vols. Vol. 1. Moscow: TERRA – Book Club, 2009. P. 7–49.
13. **Mann T.** The Correspondence with Bonn // Mann T. Collected Works: in 8 vols. Vol. 1. Moscow: TERRA – Book Club, 2009. P. 50–57.
14. **Mann T.** Suffering and Greatness of Richard Wagner // Mann T. Collected works: in 10 vols. Vol. 10: Article: 1929–1955. Moscow: Literature, 1961. P. 102–173.
15. **Mann T.** Nietzsche’s philosophy in Aspect of Our Experience // Mann T. Collected works: in 10 vols. Vol. 10: Article: 1929–1955. Moscow: Literature, 1961. P. 346–391.
16. **Nietzsche F.** Twilight of the Idols // Nietzsche F. Beyond Good and Evil: Works / translation by N. Polilova. Moscow: Eksmo-Press; Kharkov: Folio, 2002. P. 749–845. (“Anthology of Thought” series.)
17. **Nietzsche F.** Thus Spoke Zarathustra // Nietzsche F. Beyond Good and Evil: Works / translation by N. Polilova. Moscow: Eksmo-Press; Kharkov: Folio, 2002. P. 295–556. (“Anthology of Thought” series.)
18. **Nietzsche F.** Beyond Good and Evil // Nietzsche F. Beyond Good and Evil: Works / translation by N. Polilova. Moscow: Eksmo-Press; Kharkov: Folio, 2002. P. 557–748. (“Anthology of Thought” series.)
19. **Nietzsche F.** Human, All Too Human // Nietzsche F. Beyond Good and Evil: Works / translation by N. Polilova. Moscow: Eksmo-Press; Kharkov: Folio, 2002. P. 11–294. (“Anthology of Thought” series.)
20. **Ostatyuk E. N.** Cognitive Models of Metaphors “disease” and “death” as a reflection of the author’s world view (on the novels by Thomas Mann): PhD Theses (in Philology). Stavropol: Stavropol State University, 2009. 185 p.
21. **Roberti E. V. de.** Nietzsche: His Philosophy, His Sociology // Nietzsche: Pro et Contra: Anthology. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2001. P. 636–671. (“Russian way” series.)
22. **Trubetskoy E. N.** The Meaning of Life // The Meaning of Life: An Anthology. Moscow: Progress-Culture, 1994. P. 243–488. (Series “Treasury of Religious and Philosophical Thought”. Vol. II.)
23. **Fedorov A. A.** Thomas Mann. The Time of Masterpieces. Thomas Mann’s period of creative flowering. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1981. 336 p.
24. **Khvostov V. M.** The Ethics of Nietzsche // Nietzsche: Pro et Contra: Anthology. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2001. P. 805–877. (“Russian way” series.)
25. **Shestov L. I.** Dostoyevsky and Nietzsche (the Philosophy of Tragedy) // Nietzsche: Pro et Contra: Anthology. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2001. P. 438–585. (“Russian way” series.)
26. **Schoenberg A.** How does one become lonely (1937) // Schoenberg A. The style and thought. Articles and materials. Moscow: Composer, 2006. P. 390–418.
27. **Schopenhauer A.** Aphorisms on the Wisdom of Life // Schopenhauer A. Selected Works. Rostov-on-Don: Phoenix, 1997. P. 213–419.
28. **Schopenhauer Arthur.** Ethics Ideas // Schopenhauer A. Selected Works. Rostov-on-Don: Phoenix, 1997. P. 149–212.
29. **Jünger F. G.** Antichrist // Nietzsche / translation from German by A.V. Mikhailovsky. Moscow: Praxis, 2001. P. 148–170. (“Ideologies” series.)